



Веб-журнал "Европейская Афиша" №4 20/03/2011– www.afficha.info

Каждому проходимцу доверяться не стоит

Екатерина Богопольская

Photo Tania Kelley



Отелло отвечает Дожу Венеции: «Не буду спорить, дочь его со мною».

Два года спустя после «Гамлета» художественный руководитель «Шaubюне» вновь возвращается к Шекспиру. На этот раз под объективом Остермайера и его постоянного драматурга Мариуса фон Майенбурга «Отелло». Стоит ли добавлять, что радикальный тандем современного театра и эту пьесу Шекспира переписал- пересказал современным языком. Текст сокращен, отброшены все виньетки, все красоты. Действие неумолимо и прямолинейно идет к цели, намеченной Яго. Понятно, что действие происходит в наши дни, и если вспомнить, что сюжет Отелло разворачивается на фоне борьбы Венецианской

республики с Оттоманами, нетрудно вычислить на какие берега занесет героев Шекспира, и кто будет держать роль турок, а кто представлять современный «цивилизованный капитализм», западную цивилизацию в лице венецианцев. Ну, скажем натовские солдаты где-нибудь ...в Ираке. Или – следуя сводке последних новостей- например, в какой-нибудь Ливии. Короче, если следовать наметке Остермайера- везде, где есть нефть. Объясняю. Спектакль играется в прямом смысле слова в воде, очень красивый отсыл к Венеции и острову Кипр. Правда, вода имеет несколько странный черный оттенок. Для не слишком сообразительных, Остермайер во всех интервью французской прессе ясно высказывается, что черная вода, на самом деле оттого, что это - нефть. И если учесть, что почти все действие актеры проводят по щиколотки в воде, метафора становится прозрачной.

Понятно также, что это не трагедия - как когда-то Гамлета в спектакле «Шаубюне» лишили романтического ореола, так у Отелло отняли статус трагического героя.

Спектакль Остермайера начинается с потрясающей по красоте и мощности сцены. На подмостках – бассейн с водой, в середине которого постелена роскошная постель. Вокруг на стульях расселись двенадцать актеров. Полумрак, лунные блики на воде, звучит приглушенно соло на трубе, подхваченное джаз-бандом (настоящий оркестр на сцене негромко наигрывает композиции в стиле афро-джаз). Один из актеров поднимается, раздевается догола и выходит на середину сцены. Это Отелло. Совершенно незащищенная нагота, напоминающая о том, что « в тотальной игре любви нет зон безопасности». Потом к нему подходит Дездемона, и раздеваясь, начинает с нежностью покрывать его тело черной краской. И он отвечает ей лаской на ласку. В их близости - невероятный эротический подтекст. Ритуал растирания принимает характер все более откровенной чувственной игры - почему-то вспомнился, совсем некстати, Пастернак «Скрещенья рук, скрещенья ног, судьбы скрещенья». Здесь самая интересная догадка Остермайера - Дездемона полюбила Отелло за то тоже, что он - другой, чужой, драгоценен именно своей непохожестью, инаковостью.

Потом Яго укладывает любовников на кровать и отправляет ее за кулисы, условно обозначенные раздвижными ширмами, составленными сценографом Яном Папельбаумом из белых неоновых ламп-трубок. Кровать появится снова уже в самом конце, но на этот раз жертвенником для убийства Дездемоны. А пока пространство разомкнулось, готовое принять в себя хаос и смерть - начинается непосредственно действие пьесы, первый диалог Яго и Родриго в воде. Дальше всякое мерцание сексуальности отбрасывается, игра переходит на другие территории.

Что вычитал у Шекспира фон Майенбург? Дрaму в колониальном стиле. Современную западную цивилизацию, стоящую на нефти, как Венеция на воде. Кстати, очень физически точная зацепка с водой держит в напряжении несколько сцен, например, когда в эпизоде морского боя с турками на актеров в прямом смысле слова выливают ушаты воды, и они выходят на берег с головы до ног вымокшие, но счастливые - победа! Потом «находка» перестает работать, так как ничего нового этот прием в наращивание смыслов не приносит.

Отелло – коренастый мужичок в белом кителе морского офицера и абсолютно европейского типа. Себастьян Накаев играет достаточно схематично, на одной краске, ревность, ревность патологическую, вплоть до эпилептического кризиса, в котором бьется наш герой после очередного рассказа Яго о любовных похождениях Дездемоны и красавчика- флорентийца Кассио. В конце этот Отелло себя не убивает, а просто застывает, отойдя в сторону - спектакль заканчивается в безмолвии после довольно сухого объяснения между Отелло, Эмилией и Яго, так что зрители в ожидании известного шекспировского финала долго не решаются хлопать.

Если по Пушкину «Отелло»- трагедия обманутого доверия, то здесь - скорее драма сомнения. Отелло Накаева снедаем сомнением, комплексами. И погубил жизнь свою потому, что был ужасно закомплексован. Драма неверия в себя, зависимости от мнения других. Отелло- белый, хотя все называют его черным, « black ». Цвет - вторичен. Первично

то, что генерал, достигший высших ступеней власти, не верит в себя, в то, что заслужил свое счастье. Подсознательно ждет подвоха. Отелло - белый в коже черного.



Photo Tania Kelley

Отелло- Себастьян Накаев, Дездемона-Ева Мекбах

Быть и казаться - вот проблематика, которая, кажется, занимает режиссера. Что видится на поверхности, и что мы есть на самом деле. И еще это спектакль о том, как политический класс подбирает под себя чужаков, когда ему это выгодно. При этом продолжает внутри презирать - что и выскажется наглядно в поведении Яго. Замечательная сцена офицерской garden-party со шлюхами и большим количеством спиртного, когда подвыпивший Яго пародийно мимирует Отелло, как негра. (Жизнь гарнизона в колониальном стиле, к слову, выписана подробно, так что коктейли готовят у стойки бара, под видеопроекциями рекламы Лас-Вегаса). Вообще, главный герой именно Яго Штефана Штерна. В белом облегающем костюмчике, удивительно харизматичный, похож на модного телекомментатора. Ну, еще на ведущего собственного авторского шоу.

В любом случае, Яго- асс медийных технологий. Проверяет на зрителях как далеко может зайти в своем искусстве. Очень интересно переведен монолог а парте Яго «Я ненавижу мавра». Здесь он превращается в прямое обращение к зрительному залу, «Думайте со мной», как мне его, Отелло, посильнее достать. И тут же на ходу Штерн-Яго придумывает простую, но гениальную комбинацию. Причем все делает не как inferнальный злодей, а почти играючи, в ритмах развлекательного шоу на фоне неоновой рекламы. Зло здесь очень непринужденно. Перефразируя известную формулировку о чистом

искусстве, можно сказать, что Яго Штерна злодей эстетический, любит зло ради него самого.

Photo Tania Kelley



Яго-Штефан Штерн

Так побочный мотив ревности к Отелло «сообщают, что будто б лазил он к моей жене»(перевод Пастернака) полностью отсутствует. Не столько ненавидит Отелло, сколько увлечен запущенной им самим машиной зла. В финале Яго слегка потерян - сам удивлен, что удавшееся превзошло все ожидания.

Дездемона Евы Мекбах вполне современная девушка с сильным характером. Тиранию мужа, даже любимого, явно терпеть не намерена. В сцене удушения не принимает муку как невинная жертва, а яростно, изо всех сил, сопротивляется Отелло. Хотя следует признать - никакого сострадания или сочувствия героям Шекспира не-трагедия Майенбурга - Остермайера не вызывает. Получилась изобретательная, но скучноватая история про то, что когда ты неуверенный в себе Отелло, каждому проходимцу доверяться не стоит.